

АЛЕКСАНДР КЕРДАН

РАССКАЗЫ МАЙОРА ИГНАТЕНКО

КУКИШ

Взводу лейтенанта Алексеева была поставлена задача: организовать засаду на пути возможного отхода бандгруппы, которую основные силы батальона блокировали в кишлаке. Алексеев прибыл из Союза месяц назад и “в горы” шёл впервые.

Впереди тонал рядовой Фокин, “дед”, который уже отсчитывал свои “сто дней до приказа”. Фокина комбат называл не иначе, как “Мальчик из Уржума” — а откуда это прозвище, Алексееву было неизвестно.

На одном из поворотов едва заметной тропки узкого ущелья Фокин резко остановился. Алексеев ткнулся в его спину.

— Фокин, ядрит твою, чего тормозишь? — вполголоса ругнулся Алексеев.

— Мина, товарищ лейтенант! — по-вожжески окая, радостно доложил Фокин.

— Где? — Алексеев невольно подался назад.

Замкомвзвода сержант Погорелый очутился рядом, как положено разведчику, неслышно. Вообще-то сержант должен был идти замыкающим, да комбат перед выходом в рейд определил ему место за “зелёным” взводным, чтобы, в случае чего, подсказал и с “дедами” помог найти общий язык.

Погорелый бережно отстранил Алексеева, обменялся с Фокиным многозначительным взглядом.

КЕРДАН Александр Борисович родился в 1957 году в городе Коркино Челябинской области. Полковник запаса. Доктор культурологии. Сопредседатель правления Союза писателей России, координатор Ассоциации писателей Урала. Автор многих книг стихов и прозы, вышедших в Москве, Санкт-Петербурге, в Западной Сибири и на Урале. Лауреат Большой литературной премии России, международных и всероссийских литературных премий. Живёт в Екатеринбурге.

“Не считают меня командиром...” — перехватил этот взгляд и покраснел от обиды Алексеев, но, тем не менее, про мину сказал со знанием дела: — Противопехотная!

— Ага, деревяшка, — привычно обозвал мину в деревянном корпусе Погорелый.

Крышка мины углом торчала из-под щебня всего в паре шагов ровно посреди узкой тропы.

— Грамотно поставлена. Хорошо ещё, что давно лежит, и дождем сверху грунт смыло, а то бы ножкой топнул и...ку-ку... — Фокин с ухмылкой покосился на свой ботинок сорок шестого размера.

— Наши ставили. У “духов” таких развалюх нет. У них — итальянки, — снова проявил осведомлённость Алексеев.

— Итальянки — у наёмников. А местные фугасы и противотанковую любят, чтоб сразу бэмпэшку или танк завалить. За них афоней больше отстёгивают, — внёс поправку Погорелый, опять заставив Алексеева покраснеть.

— Что делать-то бум, товарищ лейтенант? — пылливо глянул на взводного с высоты своего двухметрового роста Фокин.

Первое и самое простое, что пришло Алексееву в голову — перешагнуть через мину, само собой, соблюдая меры предосторожности. Об этом и сказал подчинённым.

— Перешагнуть-то можно, — сдержанно усмехнулся Погорелый, — только не факт, что там, куда за миной ногу поставите, второй такой нет. Или того хуже — сама деревяшка с сюрпризом: скажем, с фугасом спарена. Нет, товарищ лейтенант, тут или сапёра вызывать надо, или самим мину сдёрнуть на подрыв. Как скажете?

Алексеев помнил из занятий по инженерной подготовке, что противопехотная деревянная имеет самое примитивное устройство: в деревянную коробку втиснута двухсотграммовая толовая шашка, а справа от неё — в металлическом стакане взрыватель с капсюлем-детонатором. Но разминировать такую мину вручную практически невозможно. Единственное надёжное средство, и тут сержант прав — это из укрытия “кошкой” сдёрнуть мину с места “на подрыв”. Но подорвать её в нынешней ситуации — значило выдать себя и сорвать задание.

— Так что, товарищ лейтенант, рванём? — переспросил Погорелый. Алексеев почувствовал себя хозяином положения.

— Взрывать не будем и сапёра ждать некогда. Задачи нам, товарищи бойцы, никто не отменял. Буду разминировать. Оба — в укрытие!

— Товарищ лейтена... — попытался остановить его Погорелый.

— Тебе что, сержант, два раза приказ повторять? — поставил точку Алексеев.

Он снял каску, подсумки, положил автомат, убедился, что взвод укрылся за поворотом, и опустился перед миной на колени.

“Гиблое дело я затеял...” — унимая внутреннюю дрожь, он размял пальцы. Осторожно стал разгребать щебень вокруг короба, каждый раз обмирая, когда случайно прикасался к его шероховатым стенкам. Когда мина открылась со всех сторон, с радостью обнаружил, что никаких проводов или волоочек от неё в стороны не тянется: значит, сюрприза никакого нет. Хвостовик бойка с выдернутой чекой — мина на боевом взводе.

— Сначала вставим чеку, после начнём выкручивать капсюль... — повторяя давний урок, озвучил сам для себя алгоритм предстоящих действий. — Но где мы чеку-то возьмём? — Он пошарил в кармане “афганки”, нащупал коробок со спичками. Вынул одну, с сомнением оглядел её: выдержит или нет? Ничего другого под рукой всё равно не было, и он решил рискнуть: подрагивающими от напряжения пальцами вставил спичку в отверстие для чеки. Спичка встала, как влитая.

“Ух ты! Получилось!”

Рукавом “афганки” утёр пот со лба и осторожно выкрутил капсюль-детонатор. Поднялся на неустойчивых ногах, повернулся к солдатам с торжествующим видом, держа капсюль-детонатор в правой руке.

Погорелый первым вышел из укрытия.

— Ну, вы даёте, товарищ лейтенант! Как настоящий хирург работаете... С почином, командир... — уважительно сказал он.

— Скажи лучше, как скульптор... — довольно отозвался Алексеев и краем глаза увидел, как спичка, служившая чекой, не выдержала напряжения пружины и медленно, словно в кино, начала надламываться...

Он инстинктивно схватил хвостовик бойка другой рукой, сию же секунду удержав, но не сумев. Раздался негромкий хлопок. Алексеев зажмурился, а когда открыл глаза, ещё не чувствуя боли, увидел вместо пальцев кровавое месиво...

В один из звонких дней в конце октября командир роты курсантов Бакинского общевойскового командного училища имени Верховного Совета Азербайджанской ССР майор Сенько построил личный состав. Улыбчивый и коренастый, за свою неизменно красную физиономию он заслужил прозвище “Синьор Помидор”. Красноту щек майора подчёркивал околыш огромной фуражки с непомерно высокой тульей — “аэродром не принимает”. Этот головной убор, сшитый по спецзаказу, не имел аналогов во всём училище и вызывал постоянные нарекания старшего начальства, являясь при этом предметом законной гордости её хозяина. Сенько курсанты любили за весёлый нрав, побаивались за строгость и уважали за справедливость.

— Ну что, бездельники? — бодрым, орлиным взором окинул он строй. — Радуйтесь: сегодня ПХД*. Скучать никому не придётся. Задача у нас — выше крыши, но есть одна — особой важности. С неё и начнём...

Сенько выдержал паузу:

— Ну, товарищи курсанты, настал ваш звёздный час... Кто у нас художники?

Алексеев и Бубнов переглянулись: идти в автопарк, на полигон или в столовую не хотелось, а работа художников представлялась делом не пыльным и сулила некоторые послабления со стороны начальства. И хотя художественных способностей друзья-приятели не имели, не стовариваясь, сделали шаг вперёд.

Сенько оглядел их с головы до пят:

— Художники? Лепить умеете?

— Всё умеем, товарищ майор, — в голос заверили они.

— Ладно, дуйте к старшине. Он вам задачу поставит!

Старшина Ревенко к наличию творческих способностей у данных курсантов отнесся более недоверчиво:

— Вы точно художники али брешете?

Алексеев ответил за двоих:

— Никак нет, товарищ старшина, не брешем!

— Ну, добре, пийшылы, — Ревенко повёл их через плац к КПП.

Училище и военный городок с колоритным названием “Красный Восток” располагались в старом районе города, недалеко от Бакинского проспекта и улицы Ингла. От пятиэтажных хрущёвок — ДОСов** “кузницу пехотных кадров страны” отделял высокий бетонный забор. Метрах в трёхстах от КПП в нём была ниша, где на постаменте стоял памятник Кирову. На трёхметровом гипсовом вожде было пальто чуть выше колен, кепка и сапоги. Левую руку Киров прижимал к груди, словно желая унять стук пламенного революционного сердца, а правой показывал в сторону центра, как раз туда, куда обычно курсанты бегали в самоволку.

К памятнику и привел их старшина.

— Побачыте, який нэпорядок! — указал он на статую.

Вид памятника и впрямь был удручающим: по торсу вождя шли трещины, гипс на плечах выщерблен, на правой руке изваяния не хватало нескольких пальцев.

Старшина определил:

— О цэ, товарищы курсанти, будытэ ласкови отреставрируют товарища

* ПХД — парко-хозяйственный день.

** ДОС — дом офицерского состава.

Кырова. Усэ трэцины заделать, отколоты части восстановить, размулевать. И шоб усэ було в наилучшем видэ!

Получив мешок гипса, шпатели, кисти и краску, Алексеев и Бубнов не спеша приступили к работе. Трещины на груди и спине Кирова заделали без особых осложнений. Когда встал вопрос о реставрации отдельных частей — уха, пальцев, процесс застопорился...

Ухо с трудом, но восстановить всё же смогли, а вот вылепить вытянутые пальцы на правой руке никак не получалось.

И тут Бубнов предложил:

— А давай, Костя, кулак сделаем! Его-то куда проще слепить...

Алексеев усмехнулся:

— Что кулак, лучше уж сразу кукиш!

Бубнов поскрёб измазанной пятернёй затылок:

— Точно, Серёга! Вот всё училище оборжётся!

Фига получилась эффектной. Памятник выкрасили белой краской. Оглядели со всех сторон и остались довольны: Киров стоял, как новенький...

Вернулись в казарму, доложили старшине о выполнении приказа.

— Добрэ получилось?

— Нормально!

— Проверять трэба?

Они переглянулись:

— Дело ваше, товарищ старшина...

Ревенко проверять не стал.

Алексеев и Бубнов после обеда рассказали однокурсникам о своей проделке. Хором посмеялись над ней. Особо любопытные сходили к памятнику на экскурсию и остались довольны увиденным. Но, как говорится: новый день — новая пицца...

В воскресенье, как передовиков ПХД, старшина отпустил “скульпторов” в увольнение. А в понедельник с утра пораньше их вызвал в канцелярию “Синьор Помидор”.

— Ну что, художники-передвижники, довыдывались? — Сенько, ещё более красный, чем обычно, впился в них немигающим взглядом и, не дожидаясь ответа, приказал: — В колонну по одному, за мной шагом а-арш!

У памятника он дал волю гневу, затопал ногами:

— Это что такое? Вы что себе позволяете, идиоты, мерзавцы? А если бы утром не я это рукоблудие заметил, а кто-то другой! Это же идеологическая диверсия, антисоветская пропаганда! Да ещё в канун праздника Великого Октября! — он внезапно перестал сучить ногами и отчеканил. — Так вот, в присутствии товарища Сергея Мироновича Кирова объявляю обоим по пять нарядов вне очереди! Даю час, нет, полчаса, чтобы это безобразие ликвидировать и придать руке исторический вид! О выполнении доложить мне лично!

Покачивая фуражкой-“аэродромом”, Сенько стремительно удалился.

Алексеев и Бубнов с минуту тупо смотрели друг на друга: “Идеологическая диверсия, антисоветская пропаганда... Точно, отчислят! Как пить дать, отчислят!” — только сейчас до них дошёл политический смысл их проделки.

Они тут же забрались на постамент и при помощи обломка кирпича “ампутировали” десницу вождя, грозящую отчислением. Метнулись к казарме за инструментом, принесли всё необходимое, и работа закипела. От страха даже скульпторские способности прорезались: вытянутые пальцы на злополучной руке получились как нельзя лучше...

Сенько и впрямь оказался мужиком нормальным. Поскольку никто из старших начальников кукиш не увидел, “политическое дело” Алексееву и Бубнову пришить не было. Ни комсомольского собрания с исключением из ВЛКСМ за осквернение революционной святыни, ни распекания перед строем... Они просто отходили свои пять нарядов вне очереди, и происшествие как будто забылось. Только однокурсники до самого выпуска вспоминали про кукиш, и нет-нет, пробегая мимо памятника в самоволку, исподтишка показывали Кирову фигуру из трех пальцев.

...Выпуск шумно отмечали в кафе “Навруз” на окраине Баку. Были шашлык, люля-кебаб, зелень и сорок литров “обкомовского” коньяка, добыто-

го, как говаривал Райкин, “черыз таваравэд, черыз задыные кырыльцо” на Кировобадском коньячном заводе отцом одного из выпускников. Пели песни, танцевали, произносили тосты за “альма-матер”, за пехоту, за будущих командармов...

Внезапно кто-то закричал:

— Наших бьют!

С шумом вывалились во двор. В полутемном переулке рядом с кафе мелькали белые рубахи лейтенантов и темные рубахи “чужих”. Визжали девицы. Раздавался мат.

Когда нападавшие, не выдержав атаки, с проклятиями ретировались, лейтенанты вернулись в кафе. Оглядели друг друга: у одного оторван погон, у другого — рубаха в крови, у третьего — фингал...

Бубнов разглядывал правую руку: пальцы были неестественно вывернуты.

— Я его за воротник схватил, а он, гад, рванулся... пальцы выбил, что ли... — кривился он.

Невеста одного из лейтенантов — шустрая блондинка с широко раскрытыми синими глазами, выпускница медучилища, осмотрела руку Бубнова и завила:

— Выхих. Мигом вправим! — она уверенно взяла посиневшие пальцы в свою пухлую ладонь, сжала их и так дёрнула, что Бубнов потерял сознание.

— Ой, я, наверное, что-то не то сделала, — разрыдалась она.

...В Кабульском госпитале, куда Алексеева доставили после рейда, он получил письмо от Бубнова, написанное коряво и неразборчиво.

“Серый, — сообщал Костя, — Я всё еще не в строю. Пальцы после драки у меня срослись плохо, средний и указательный теперь вообще не гнутся... Даже фигу никому не покажешь! Доктор сказал, если не разработаю, комиссуют ко всем чертям...”

“А вот меня из армии точно спишут”, — Алексеев посмотрел на свои забинтованные руки. Письмо Бубнова напомнило историю с памятником. До Алексеева внезапно дошло: “Всё — не случайно!” И та драка возле кафе, где Бубнов выбил пальцы, и его случай с запалом от ПМД. Всё — одно к одному. И даже то, что мину нашёл солдат по прозвищу “Мальчик из Уржума”... Алексеев только теперь вспомнил, что ещё в начальных классах школы читал книгу с таким названием. Главным героем в ней был вятский мальчик Серёжа Костриков. “Но ведь это же имя будущего революционера Сергея Мироновича Кирова! Вот так совпадение... Вот тебе и фигу, товарищ Киров! Выходит, не мы тебе, Мироныч, а ты нам кукиш показал! Только нам-то с Бубновым теперь никто новые пальцы не прилепит...”

Об этом он и рассказал командиру батальона майору Игнатенко, приехавшему по каким-то делам в штаб армии и зашедшему в госпиталь навесить подчинённого.

Оглядев забинтованные руки Алексеева, Игнатенко сказал хмуро и, как показалось лейтенанту, зло:

— Сам во всём виноват. Какого рожна к mine полез? Инструкции не знаешь?

— Не хотел шума поднимать, товарищ майор. Да и в училище по инженерной подготовке у меня пятёрка была...

— Пятёрка... Тоже мне сапёр выискался! — ругнулся Игнатенко. — Остался дурак без пальцев! И на хрена?

Алексеев опустил глаза. Комбат, конечно, прав, его жертва оказалась напрасной: тогда в горах бандгруппа на них так и не вышла — ушла из кишлака другими тропами...

— Я ведь почти обезвредил мину, — всё-таки попытался оправдаться он. — Если бы только не месть товарища Кирова...

— При чём здесь товарищ Киров? Ты мне эту мистику брось, лейтенант! Слушай сюда, что я тебе скажу: надо канцелярскую скрепку в кармане носить, а не спички! Скрепка не подведёт. С ней ты любой mine кукиш покажешь! Понял?

БЕРЁЗКА

Компания была тесной. Мужской. Потому и разговоры крутились вокруг войны, политики, женщин. О последних, к слову, говорили не ради них самих, а по отношению к первым двум темам: войне и политике.

Засиделись, как это бывает у давно не встречавшихся друзей, далеко за полночь.

Я — холостяк. Они — женатые люди. А посему, для порядка, пошли звонить их благоверным: объяснять, где задержались в такое время.

Юра Яковлев отчитался успешно, без нервных потрясений. То ли супруга уже привыкла к его поздним возвращениям, то ли у них в семье — домострой...

Сергею Игнатенко — не повезло. Пока мы с Яковлевым переминались с ноги на ногу, прицеливаясь, в какой “комок” податься за очередной порцией “брынцаловки”, Игнатенко что-то смиренно объяснял извергающейся на него праведный гнев телефонной трубке.

Он стоял к нам спиной — большой, с трудом помещающийся в будке, но даже по спине чувствовалось, насколько ему неудобно. Он запинался, оправдывался, словно нашкодивший школьник.

За годы нашего знакомства я не раз бывал у него дома и знал нрав его “половины”.

Людку — хрупкую, рыжеволосую женщину с большущими, на пол-лица голубыми “брызгами”, как ласково именовал их Сергей, можно было с полным основанием назвать обычной офицерской женой.

В восемнадцать вышла замуж за свежеиспеченного лейтенанта-мотострелка. В двадцать — родила ему сына. Вместе с мужем сменила тринадцать гарнизонов. Профессии не имела. И задачи у нее не было, кроме как — ждать, встречать и провожать мужа да воспитывать сына, которому доводилось “папку” видеть чаще на фотографии, чем воочию. И хотя, как большинство офицерских жен, она про странствия с Игнатенко говорила красиво: “Мы служили...”, ей за эту “службу” звезд и наград не давали, а трудностей хватало сполна... Вот и нервишки у неё к сорока годам распатались, и характер заметно испортился. Редкое застолье у Игнатенко проходило гладко. То она придерётся, что муж лишнюю рюмку выпил, то начнёт выговаривать, что ей внимания недостаточно уделяет... Начнет с простого упрёка, потом закипятится, разгневется. Лицо покраснеет, а пресловутые “брызги”, напротив, небесную окраску утратят, сделаются бесцветными, пронзительными...

Вспомнил я это — не удержался:

— Как ты терпишь всё это, брат? Людка тебя поедом ест, а ты ещё и оправдываешься...

Сказал и тут же пожалел: как-то не по-мужски получилось. Да и кто вообще имеет право в отношении супругов встревать?..

А Серёга возьми да улыбнись в ответ:

— Не ест меня Людка, а поливает...

— Это точно, поливает. Да ещё как... — поддакнул Яковлев.

— Эх, ничего вы, братцы, не знаете. Тут история давняя... Так и быть, расскажу... Берите пузырь. Людка индальгенцию ещё на пару часов выдала...

Мы купили водку. Вернулись в дом. Расположились на обжитой нами кухне. Опрокинули по стопке, и Сергей начал рассказ...

— В Афган меня откомандировали неожиданно, вместо “отказника”. Редко, но встречались и такие. Сначала при беседе с кадровиками даёт согласие на спецкомандировку, а потом, перед самой заменой — в кусты.

Я служил тогда комбатом в Мукачево, в Закарпатье. Был конец мая, по местным меркам уже лето... Вдруг звонок из штаба дивизии: “Готовьтесь, поедете на юг”. Что такое “юг”, тогда, в восьмидесятом, уже все прекрасно знали: значит, “за речку” и дальше Кушки. Ну, а “готовьтесь” — это так, для успокоения: через три дня должен быть уже в Ташкенте, в штабе ТуркВО. Три дня на всё. И должность сдать, и семейные дела уладить. На службе

отнеслись с пониманием: сдачу батальона быстро провернул. А дома Людка, понятно, в слезы... Как ее утешить? Не знаю, как...

Поехал в ближайший лесок, вырыл березку полутораметровую, привез в гарнизон, к нашему ДОСу. Перед подъездом выкопал яму и туда ее, белоствольную, посадил. Соседи в голос: “Поздно уже деревья сажать. Не приживется!” А я Людке тихо, на ушко говорю: “Хочешь, чтобы я вернулся, смотри за деревом. Завянет, значит, и мне — крышка...”

Так вот и простились. Улетел я в Ташкент, оттуда — в Афган. Командовал горно-пехотным батальоном. Вы знаете, что это такое. Из рейдов практически не вылезал. Бывали, впрочем, ситуации и пострашней...

Однажды приходит ко мне советник ХАД (афганской военной контрразведки) и говорит:

— Алексеевич, необходимо провести встречу между руководителями банд нашей и соседней провинции — Ташкурган. В Айбаке и Дарайзинданском ущелье с “духами” договоренность достигнута. Если сумеем свести саманганских и ташкурганских “бабаев”, будем контролировать всю ситуацию в нашей части Афганистана. Условия встречи определяют “духи”. Место — Ташкурган. Соберутся все главари банд. Они хотят, чтобы гарантом безопасности выступил ты. И больше никого... Сам понимаешь, риск большой. Поэтому решать тебе, как скажешь, так и будет.

Надо сказать, что мой батальон был единственной боевой единицей, способной повлиять на ситуацию в провинции. Поэтому условие “духов” мне было понятно.

Однако, чтобы пойти на участие в переговорах, я должен был доложить по инстанции командиру полка рапортом, как положено, дожидаться его резолюции, а потом уж рисковать... Но времени для этого не было: выезжать надо было завтра утром.

— Я поеду. Каковы гарантии для меня?

— Гарантий для тебя нет никаких. А условия такие: губернатор провинции дает “уазик” с афганскими номерами. Ты — за рулём, но для страховки можешь взять с собой одного бойца, желательно таджикской национальности...

Так я и сделал. Взял с собой преданного солдата-таджика по имени Телло (что в переводе — “золотце”). Понимал, что втягиваю парня в смертельную авантюру, поэтому сказал:

— Ты можешь отказаться — мы едем на опасное дело.

— Я поеду.

Рано утром к нашему КПШ подошли “уазик”. Я сел за руль. В “собачник” забрался Телло. У него радиостанция для связи (хотя действует она километров на восемь-десять, а мы к “духам” выдвигаемся на двенадцать, так что, случись что, все равно нас никто не услышит).

— Телло, у нас с этого момента одна жизнь на двоих. Ты язык “духовский” знаешь, я нет. Если услышишь что-нибудь подозрительное, покашливай несколько раз.

— Я всё понял, командир.

Подъехали к месту, которое назначили хадовские советники. Из дома вышли три бородатых “духа” с автоматами. Мы поздоровались по-афгански:

— Хубости-чатурости. Хараста-бахараста.

Так они говорят, прикладывая руку к сердцу. Переводится это довольно длинно: “Как твой дом, как твоя жена, как твои дети...”

Я в знак миролюбия поднял правую руку. Они уселись в машину: двое на заднее сиденье, а один рядом со мной. Поехали. У меня на душе кошки скребут: а может, эта встреча просто засада?

Доехали до нашего последнего блокпоста, а дальше уже “духовская” территория.

Чтобы вам было понятно, объясню. Ташкурган расположен на границе гор и пустыни на площади около восьмидесяти квадратных километров. Этакий огромный оазис с шахским дворцом посредине. Наших поблизости нет, за исключением пограничников, но они, как правило, в перестрелки не ввязываются. Одним словом, надеяться не на кого.

Ну вот, заезжаем мы в Ташкурган. Виляем по улочкам. Сидящий рядом бородач показывает рукой: направо, налево. А я стараюсь запомнить маршрут, чтобы не заблудиться, если придется вырываться с боем. Наконец, бородач поднимает руку:

— Саиз! (Здесь).

Я останавливаю машину на небольшой площади, но двигатель не глушу. Смотрю, к нам шагают человек двадцать, все бородастые и все вооружены. Наш “дух”, который сидел за штурмана, вышел из машины, о чем-то с ними переговорил и делает мне знак выйти. Я вышел. Бородачи осмотрели меня с головы до ног и подняли правые руки в знак того, что принимают меня как гаранта. Оставшиеся афганцы, что ехали с нами, тоже вышли и вместе с хозяевами удалились в дом.

Я вернулся в машину и потихоньку озираюсь. Вижу моджахедов за дувалами с оружием на изготовку. Говорю Телло:

— Приготовь гранаты. Если начнётся бой, нам отсюда не уйти. Будем драться, сколько сможем. Но и их побольше с собой заберём.

— Хорошо, командир.

Сколько времени прошло, не скажу. В таких ситуациях у времени особый счет. Вдруг из-за дувала выходит к нам “бабай”:

— Уезжайте, переговоры закончатся в час. К этому времени и приедете.

Я медленно разворачиваю машину, спиной чувствуя, у скольких “духов” мы на мушке, и начинаю выезжать. Причем знаю: есть территория, контролируемая нами, есть та, которую контролируют они, но есть и просто “беспредельщики”, которым один Аллах судья. Если нарвемся на таких, нам — крышка!

Но пронесло. Выехали из кишлака, добрались до блокпоста. Пообедали. Ротный спрашивает:

— Как вас вытаскивать, если...

Что ему сказать? Ташкурган не смогла взять дивизия вместе с маневренной группой погранцов и десантурой... Куда тут с ротой соваться!

Короче, в половине первого поехали назад. Дорога уже знакомая. Но плю-то все равно ждешь: откуда прилетит? У машины хоть и афганские номера, но за рулем — русский (блондина от бронеота любой бача отличит).

Подъехали. Встали. Справа, слева наблюдаем присутствие “духов” и ощущаем их неподдельный интерес к нам.

Проходит полчаса, а парламентары не показываются. Проходит еще двадцать минут — никого. А мы по-прежнему на мушке. У меня мысли всякие: “Может, переговоры не состоялись. Может, наших “бабаев” уже убрали. Теперь наш черед...”

В половине третьего вышел из-за стены какой-то старик и напрямик к машине. Ситуацию отслеживаю, словно кадры в кино. Подходит он и кидает мне на колени скрученную записку. Я разворачиваю ее, а там цифры: “15.00”. Понимаю, что надо подождать еще полчаса. Напряженность нарастает...

В 15.05 появляется толпа бородачей, и я вижу, что среди них нет приехавших со мной.

— Готовься, Телло...

— Я готов.

Они подходят к машине окружают, оживленно переговариваются. Я спрашиваю солдата:

— В их словах есть угроза?

— Пока нет, командир...

— Тогда подождём...

Наконец из-за незнакомцев вынырнули парламентары. Опять длительное прощание с хозяевами. Потом “бабай” садятся в машину.

— Телло, спроси: мы — в безопасности?

Тот перевел вопрос, а потом ответ:

— Они утверждают, что в безопасности.

— Это гарантировано?

— Да.

Я вырулил на обратный курс. Доставил бородатых туда, куда они пожелали, и — в свой гарнизон. А там уже ждут представители ГРУ и КГБ:

— Как прошли переговоры?

— Не знаю. Я просто живой вернулся...

Сергея сделал паузу. Потом сказал:

— Поверите или нет, но рядом со смертью был два года: изо дня в день. Навидался всякого: и в засады попадал, и из окружения прорывался. Но одно скажу, в каких бы переделках ни оказывался, не маму, не Бога, а Людку свою в такие моменты вспоминал. Ей молился: “Если ты мне сейчас не поможешь, то — никто не спасёт”... И вот прошел всю войну без единой царапины и даже заразы никакой — болезни, в тех местах распространённой, — не подхватил.

Короче, цел и невредим остался.

Вернулся в Мукачево, как и уезжал, в самом начале лета. Подхожу к ДОСу — и первое, что увидел, березку мою. А она, ребята, аж под второй этаж вымахала...

Потом соседи рассказывали, как Люда деревце это выхаживала. По три раза на дно поливала, от пацанов, футбол гонявших, грудью заслоняла, словно с подружкой, с берёзкой разговаривала...

С той поры и повелось — зашумит Людка, забранит меня за что-нибудь, а я сам себе говорю: это она меня, как ту берёзку, поливает. Значит, любит ещё, волнуется, жизнь мою бережёт...

Сергея умолк. Мы, не сговариваясь, подняли чарки. Выпили. Без тоста. Просто так. И мужики как-то вдруг засобирались. Мол, время позднее, пора и честь знать.

Я проводил их до перекрестка. Поймали такси. Ребята укатили.

А я пошёл в сторону дома, где меня никто не ждал.

ПОТЕРЯННЫЙ “УРАГАН”

Командира взвода разминирования старшего лейтенанта Колкова вызвали к комбату прямо из офицерской столовой. Случай — небывалый.

Армейская пословица гласит: “Война войной, а обед — по распорядку!” По традиции, отнимать одну из солдатских радостей — не принято. Их и так в Афгане немного: сон, баня и еда... И если уж Игнатенко выдернул Вадима из-за стола, не дав даже дохлебать первое блюдо — изрядно надоевший суп из сухой картошки с тушенкой, значит, случилось что-то из ряда вон выходящее.

У входа в командирскую палатку Колков привычным движением одернул “афганку”, провёл пятерней по выгоревшим, давно не стриженным волосам и, придав своему лицу уставное выражение, откинул полог.

— Проходи, садись, — не дослушав рапорт, предложил Игнатенко. У майора был зверский вид. И только глаза, синие, не утратившие своего природного блеска, говорили, что недоброе впечатление о майоре — обманчиво.

Колков знал комбата уже больше года. И, если по казенным меркам каждый день, проведенный здесь, приравнивается к трем, можно смело считать: съел вместе с ним не один пуд соли.

— Худые новости, взводный, — мрачно сказал Игнатенко. Он ткнул пальцем в карту района ответственности, распятую перед ним на столе двумя банками консервов и обрезком снарядной гильзы, заменившим пепельницу:

— По дороге на Тулак два дня назад пропала реактивная установка “Ураган”. В ней — двое наших: лейтенант Иванов и водитель... Здесь, а может, и вот здесь, — палец комбата передвинулся, по карте, — неизвестно. Пятнадцатый блокпост они прошли, на шестнадцатом не появились. По карте смотреть, километров двадцать будет. Потерянная машина — из арббригады армейского подчинения, выделена нам для поддержки... Эксперимен-

тальный образец! Артиллеристы “чесали” дорогу и окрестности сами — боялись докладывать наверх: за такую пропажу голову снимут!

— Выходит, не нашли... — заметил Колков.

— Комдив грома и молнии мечет, — продолжал майор, — радиостанцию, как печку, раскалил. Полчаса драл меня за то, что в нашей зоне это случилось... Говорит, что хочешь делай, а “Ураган” найди! Нельзя, чтоб секретная техника “духам” досталась! В общем, так: придется тебе с разведчиками сходить, посмотреть, куда эта экспериментальная хреновина подевалась...

Колков хотел напомнить майору, что завтра должен выехать в один из кишлаков на разминирование, но передумал: начальству виднее, кому куда ехать, а исполнителю — все одно, что огонь, что полымя... Спросил деловито:

— Когда выход?

— Свяжись с Лукояновым. Он все знает, под его началом и пойдешь. Да, прихвати с собой ребят посмышленей. Ну, сапер, с богом!

Выйдя от комбата, “озадаченный” Колков направился к палатке разведчиков. С капитаном Лукояновым — командиром разведроты, у Вадима дружба давняя, подкрепленная не только личной симпатией, но и служебной необходимостью. Без сапера разведчикам в горах — дело гиблое. Но и сапер без прикрытия — лёгкая добыча для “духовских” снайперов. Валерка Лукоянов или попросту — Люлёк, как беззлобно окрестили его сослуживцы, и Вадим Колков пол-Афганистана вместе проехали на броне, а вторую половину протопали на своих двоих. “Сработались!” — так это называют в Союзе, а здесь и определения-то подходящего не подберешь: своевались, что ли?..

...Люлёк сразу начал изливать душу.

— Ты погляди, Вадик, какой дурдом! — потрясая перед носом отпускным билетом, разорялся царь и бог полковой разведки. — Я же со вчерашнего дня в отпуске! Сегодня “вертушка” на Кабул уходит... Уже жене и дочке “бакшиш”* упаковал — вчера, как волк, по дуканам рыскал... Думал: послезавтра дома буду... А тут эта машина чертова! Батя как с цепи сорвался: подай ему “Ураган”! А все остальное — потом: ордена, отпуска, манна небесная... Ну, вылитый дурдом!

Колков понимающе кивнул — не повезло — и, не дожидаясь приглашения, присел на краешек самодельного топчана, покрытого солдатским одеялом.

— А потом, ты же знаешь заповедь, — понизил голос Лукоянов, — нельзя на дело идти, когда ты уже душой не здесь. Помнишь Ваську Смородинова из третьей мотострелковой? Во! Полез в горы уже с предписанием в кармане — заменщик в модуле ждал, водка на “отходную” затарена была... А он решил в благородство сыграть... Привезли со звездой во лбу — станешь тут суевренным!

Вадим эту историю знал. Что тут скажешь? Каждому — свое.

— Слушай, а может, мне “заболеть”? Начмед освобожденье сварганит... Обидно ведь: завтра был бы в Союзе...

Колков пожал плечами: Люлька можно понять и даже простить за мысли малодушные. Он свой отпуск честно заслужил. Не отсиживался по штабам, как некоторые...

— Ладно, что тут базарить, — неожиданно остыл капитан. — Первым делом, первым делом — самолеты... Собирай своих архаровцев. Через час выходим. До темноты надо успеть добраться до пятнадцатого блокпоста. Там оставим “броню”, а сами рейдик по окрестным пригоркам произведем!

Что такое “рейдик” по-лукояновски и какие это “пригорки”, Колкову объяснять не надо. Лукоянов не признает никаких запретов, действует всегда на свой страх и риск. Из времени суток предпочитает ночь. Для маршрута выбирает самые неприступные скалы. В полку шутят, что каждый солдат в разведроте уже давно выполнил норматив мастера спорта СССР по альпинизму! И шутка эта недалеко от истины. Зато и воюет разведрота без потерь и возвращается всегда с трофеями. Царандоевцы рассказывают, что за голову Люлька “бородатые” кучу афганей обещают. А вот комполка даже к ордену

* Бакшиш — подарок (дари).

его представить не хочет: уж больно “залётный” этот капитан, непредсказуемый, и поддать — не дурак...

— Ну, что ж, рейдик так рейдик,— Вадим поднялся. У самого выхода спросил:

— Ты Иванова, лейтенанта, который пропал, случайно, не знаешь? Что за мужик?

— Нет, лично не знаком. Он только по замене прибыл, выпускник артиллерийского училища.

— Значит, прямо с корабля на бал! Совсем наши полководцы из ума выжили... Кто ж пацана необстрелянного сразу в рейд посылает?

— А тебя самого не так, что ли?

— Я — дело другое...

* * *

...В первый рейд Вадим Колков на самом деле попал, не успев выйти из вертолота. Сступив на землю, на которой ему предстояло служить, удивился, что не спешит к нему с распростертыми объятиями заменщик, как пообещали в отделе кадров дивизии. Встречный солдат, у которого спросил, как найти комбата, торопливо объяснив, умчался, даже не задав офицеру традиционный вопрос: “Как там, в Союзе?”

Майора Игнатенко он отыскал в парке боевых машин. Тот уже собирался “оседлать” бэтээр, отдавая какие-то распоряжения дежурному. Колков представился.

Суровое лицо комбата оживилось:

— Вот это подарок! Вы, Колков, как нельзя более кстати. Сейчас же отправляйтесь в третью роту — поедете старшим машины. А чемоданчик свой можете у дежурного по парку оставить: будет в целости и сохранности... Вернемся, познакомимся поближе, а сейчас — некогда!

Вадим не успел задать Игнатенко вопрос, как ему ехать в рейд без оружия и экипировки. Тот ловко, словно обезьяна, вскарабкался на броню, и бронетранспортер, подняв облако едкой пыли, покатил к выходу. Колкову ничего не осталось, как, сдав дежурному на хранение свой нехитрый багаж, отправиться на поиски третьей роты.

Лейтенант, исполняющий обязанности ротного, со щеголеватыми вздёрнутыми усиками, в инструктаже, как и комбат, был краток:

— Едем на перехват каравана! По данным разведки, он будет проходить по нашей зоне. Пойдём на максимально возможной скорости. В движении необходимо строго держать дистанцию, идти колея в колею, следить за сигналами старшего колонны. Главное — никакой самостоятельности! Водитель машины Шорохов — парень опытный, в случае чего, подскажет. А сейчас — по машинам! Твой КамАЗ вон там!

В кабине Вадим попытался завязать разговор с Шороховым. Широкоплечий загорелый сержант оказался немногословен. Колков понял только, что батальон подняли по тревоге несколько часов назад, офицеров в роте не хватает, а его, Колкова, заменщик недавно угодил в госпиталь: подхватил то ли тиф, то ли лихорадку... Что же касается самого Шорохова, то он родом с Алтая, скоро на “дембель”. Служба здесь ему не то чтобы нравится, но жить можно. Комбат у них толковый — попусту солдата в пекло не пошлёт...

На этом красноречие Шорохова иссякло. Он надолго умолк, очевидно, считая, что и так выложил перед незнакомым офицером слишком много.

Сам Колков от быстрой смены событий и всего того, что он узнал, пребывал в некой прострации. Еще неделю назад он служил на Урале в гвардейской части, в воскресенье бегал на танцы в гарнизонный офицерский клуб. И вдруг — спешное оформление документов. Объяснили: вместо какого-то “отказника”. Семейного офицера без подготовки не пошлешь: то у него жилья нет, то ребенок в садик не устроен. А Колков — холостой, с ним никаких проблем. Так стремительно и очутился в Афганистане...

Вадим смотрел в окно КамАЗа и не мог поверить, что все это происходит с ним. Что он едет по незнакомой земле. Что в любой миг может проиступить пуля — и ничего больше для него не будет: ни неба, ни солнца, ни прошлого, ни будущего...

К настоящему Вадима вернул Шорохов:

— Товарищ старший лейтенант, Чергова пята!

Колонна в облаке пыли втягивалась на просторное плато, напоминающее коровье копыто. Вскоре пылевая завеса стала такой густой, что Шорохов включил стеклоочистители и фары.

— Дурное место, — сказал он, напряженно вглядываясь вперед. — Здесь всегда что-то случается...

— Что случается? — встрепенулся старший лейтенант. Шорохов не ответил. Впереди идущий бронетранспортер так резко затормозил, что только реакция сержанта спасла КамАЗ от столкновения.

— Ну, началось! — напряженно сказал водитель.

За стеклами кабины творилось и впрямь что-то невообразимое. То облако пыли, которое Вадим поначалу принял за шлейф от машин, не осело и тогда, когда колонна остановилась. Колков попытался опустить боковое стекло и выглянуть наружу.

— Не открывайте! Это — афганец, — остановил сержант. — Здесь он часто бывает. Раз проскочить не успели, теперь будем ждать, пока не закончится.

Тем временем в кабине стало совсем темно. Колкову, впервые попавшему в песчаную бурю, показалось, что ветер, как живое существо, стонет, воет, царапает по кабине тысячами когтистых лап, швыряет в стекла охапками песка, каменной крошки, раскачивает машину, как игрушку...

Афганец стих так же внезапно, как и начался. Взору старшего лейтенанта предстала экзотическая картина: увязшие по ступицы колес бэтээры и машины, покрытые красно-бурым налетом, стали похожи на доисторических чудовищ.

Еще некоторое время экипажи не подавали признаков жизни, словно всех унес с собой ураган. Первым человеком, появившимся перед КамАЗом, был Игнатенко. По колено проваливаясь в песок, комбат медленно продвигался вдоль колонны, энергичными жестами призывая подчиненных быстрее разгрести заносы. Поравнявшись с Колковым, он поднял руку с часами, давая понять, что они опаздывают.

...Что ещё запомнил Вадим из того первого рейда? Не найдя караван, который словно растворился в завихрениях афганца, колонна понуро возвращалась в гарнизон. Когда проходили мимо одного кишлака, серыми дувалами прилепившегося к склону хребта, случилось еще одно происшествие, потрясшее Колкова. Солдаты мотострелковой роты, шедшей впереди саперов, начали расстреливать всякую живность, попадавшую в поле зрения. Вадим видел, как полегло около десятка верблюдов, как заметались и бросились врассыпную перепуганные бараны, а один ягненок, потерявший мать, остался на месте, не зная, куда бежать... Снова заработал пулемет, ягненок как-то неестественно подпрыгнул и завалился набок.

— Зачем это они? — спросил Колков.

— Со злости, что караван не взяли, а может, так просто, чтоб поприкатываться, — объяснил Шорохов.

— Что ж офицеры их не удержат? Это же... Они же, как фашисты.

— Попробуйте, удержите. Это вам не Союз!

Потом Вадим обратил внимание, что номера стрелявших бронетранспортеров замазаны грязью, чтобы нельзя было определить, кто стрелял. Значит, всё-таки боятся...

...Ночью, уже на подходе к гарнизону, колонну обстреляли моджахеды. Обстреляли там, где, по утверждению Шорохова, с местными всегда были добрососедские отношения, и наши машины нападению никогда не подвергались. От пуль, к счастью, никто не пострадал. Правда, в борту своего

КамаЗа Вадим обнаружил три маленькие, аккуратные дырочки, безобидные на вид...

Возможно, это был обычный обстрел, совершенный какой-нибудь чужой бандой, но в сознании Колкова он почему-то соединился с убийством животных и с застигнувшим их на плато афганцем.

* * *

...Разведчики Лукоянова прочесывали ущелье уже вторые сутки. Никаких следов потерянного “Урагана”, никаких ответвлений дороги, узкой серебристой лентой петляющей по гигантскому каменному коридору. Короче — нулевой вариант.

К полудню лавиной навалилась усталость. Даже видавшие виды солдаты разведроты не выдерживали темпа, заданного их неукротимым капитаном. Про саперов Колкова и говорить нечего. Вадиму уже несколько часов приходилось тащить на себе часть амуниции рядового Кочнева — длинноногого, словно цапля, солдата. Второй подчиненный старшего лейтенанта — ефрейтор Мерзликин топал сейчас в авангарде рядом с проводником и ротным.

Привал устроили, взобравшись на высокую скалу. Так безопаснее.

Присев на круглый камень рядом с Люльком, Колков с наслаждением вытянул натруженные ноги:

— Какие планы, главком? Долго еще блукать думаешь?

— Какие тут планы... Надо на связь с “большой землёй” выходить: может, у них что нового... — Чувствовалось, что Люлёк зол на весь мир. — Говорил же я тебе: не будет толку от этой командировки! Без настроения иду... Только отпуск мне обосрала... Эй, связь! Запроси “первого”, как у него...

Через несколько минут связист доложил:

— “Первый” на связи, товарищ капитан!

Люлёк тут же завладел гарнитурой:

— Первый, первый, я — тринадцатый. Докладываю: у меня — пусто. Нахожусь в шестнадцатом квадрате у отметки семьсот двадцать восемь. Какие будут указания?..

Это “какие будут указания” из его уст звучало примерно как отречение от престола коронованной особы. Впрочем, помимо признания в собственном бессилии, в словах капитана был и упрек посланным роту без надлежащей подготовки в район, напичканный бандами и минными полями...

Наблюдая за ним, Вадим пытался угадать, как протекают переговоры с ЦБУ. По тому, как разгладилась и снова собралась морщинка на переносице Люлька, догадался: разговор с “первым” облегчения капитану не принес. Но обстановку, похоже, всё-таки прояснил.

— Нашли железяку пропавшую! — возвращая наушники и микрофон связисту, сообщил капитан. — Без нас с тобой, Вадик, нашли, верст за тридцать отсюда... Вертолётчики обнаружили. А вот теперь опять мы потребовались: не могут обойтись без разведки! Приказано нам ждать “вертушку” здесь. Полетим на место — там и разберемся во всем. А роту Борька поведет к дороге. Так что радуйся, старик: Аллах в лице комдива лаптям твоим даёт сегодня передышку, посылает за тобой железную птицу... Слышал анекдот про чукчу: “...железная птица летит — экспедиция называется...” — Люлёк нерадостно хохотнул и направился к сидящему в окружении солдат замполиту — старшему лейтенанту Борису Закатаеву.

Через четверть часа большая часть роты начала спуск вниз. На вершине остались Лукоянов с отделением разведчиков да Колков со своими саперами — больше Ми-8 в условиях высокогорья не поднимет.

“Вертушка”, поблескивая выпуклыми стеклами, зависла над ними, словно гигантская стрекоза. Лопастя несущего винта бешено молотили разреженный воздух, будто задалась целью сдуть людей со скалы.

Борттехник по одному втянул их в салон. Командир вертолёта обернулся в отсек: всё ли в норме? — и, получив утвердительный знак Лукоянова,

сдвинул рукоятку “шаг-газ”. Знакомая вершина за иллюминатором быстро поплыла назад, уменьшаясь в размерах.

Вадим с деланным безразличием уставился в окно. Летать вертолетами он не любил: постоянная вибрация, уши словно ватой набиты. Опять же, в полете не покидало назойливое ощущение, что он у кого-то на прицеле... Но к вертолетчикам он питал самое глубокое уважение. Хотя кто их в Афгане не уважает? Разве что “духи”? Да и те за каждого сбитого вертолетчика златые горы сулят... Тоже признак уважения, своеобразный, конечно.

Ободряя себя аргументом, что лучше плохо лететь, чем хорошо карабкаться по скалам, Вадим попытался сориентироваться на местности.

Ми-8 скользил над хребтом, окаймляющим ущелье так низко, что, казалось, шасси его вот-вот зацепятся за какую-нибудь вершину. Внизу, то появляясь, то исчезая под скалами, юлила дорожная лента. Черными скелетами громоздились на обочинах останки сожженных “наливников” и “бурбухак” — афганских грузовых фургонов. Чем выше в горы забиралось шоссе, тем чаще среди расстрелянной и подорванной техники попадались танки и бэтээры. Вадим видел, что война не обошла стороной и афганские селения, изредка проплывавшие под вертолетом. Разрушенные дувалы, завалившийся минарет, раскучренные воронками ракет квадраты крестьянских полей, на которых даже в страду не заметно дехкан.

Еще год назад эта картина заставила бы его содрогнуться. А сейчас... Неужели так ожесточилась душа, что следы войны не воспринимаются как что-то ужасное?

Вертолет сделал крен влево и, перевалив через хребет, пошел на снижение.

— Вот он, наш “Ураган”, загорает, смотри! — Лукоянов прижался носом к стеклу иллюминатора и стал похож на мальчишку.

Вадим уже и сам разглядел сиротливо лежащий на покато-склоне неподалеку от небольшого кишлака объект их поисков — злосчастный “Ураган”. Машина застыла колёсами вверх, что действительно делало её чем-то напоминающим отпускницу на пляже. Только вот место для отдыха было неудачное: дикие горы вокруг, недружелюбного вида кишлак...

Сделав несколько кругов над поверженной машиной и не заметив ничего подозрительного, приземлились, не выключая двигателя, метрах в ста от “Урагана”.

Когда разведчики и саперы покинули борт, вертолет, натужно гудя, ушел в сторону заката, торопясь вернуться на аэродром до темноты.

— Ну что, Вадик, — сказал капитан, — теперь твоё слово! Посмотри, что с машиной. Если заминирована, не возись, лучше взорвём! А мы по округе побродим, в деревеньку наведемся. Может, об экипаже узнаем... На всё у нас с тобой пара часов. А там пойдём к дороге. “Первый” обещал “броню” послать... Ну, давай, трудись! Да смотри, поосторожней! Я за тебя отвечаю...

— С какой это стати грозу душманов на лирику потянуло? — беззлобно огрызнулся Вадим. — Ты лучше за своими суперменами поглядывай, чтобы пальбу не открывали, а то мы и так “вертушкой” всех местных всполошили.

— Ну, пока. — Оставив двух автоматчиков для прикрытия саперов, Люлёк с разведчиками направился к кишлаку по руслу пересохшего арыка.

Вадим отправил Кочнева проверить, нет ли мин на склоне вокруг “Урагана”, а сам вместе с Мерзликиным направился к кабине. Двигался не спеша, словно рентгеном, ощущывая взглядом каждую пядь каменистого грунта. Мерзликин шел поодаль, таща на плече миноискатель и щуп, от которых среди этих камней толку мало... Здесь, как пел Высоцкий, надеяться надо только “на зоркость глаза и цепкость рук”.

У машины Вадим сделал знак ефрейтору остановиться, а сам стал продвигаться к кабине, время от времени замирая на месте и внимательно разглядывая “Ураган”. Поверхностный осмотр удивил: несмотря на неестественное положение, машина почти не пострадала, ни пулевых пробоин, ни вмятин, даже остекление кабины — в целостности и сохранности. Дверцы не деформированы. По всей видимости, их можно без труда открыть. Но делать этого он не стал: дверцы — излюбленный прием душманских минеров. При-

сев возле одной на корточках, он удовлетворенно прищелкнул языком: так и есть — растяжка. Тонкая, как струна, стальная проволока, прикрепленная изнутри к дверной ручке, другим своим концом пряталась в дальнем углу кабины под кучей ветоши. Что там: мина, фугас? Всё равно. Примитив, грубая работа, рассчитанная на дилетанта. Торопились “духи”: ловушка получилась неудачной. Хотя подрывники моджахедов и так изобретательностью не блещут: ставят мины, словно по заранее полученной инструкции, прямолинейно, однообразно. Если и попадётся какая-то закавыка, считай, наёмники-профессионалы поработали... Но сегодня разминирование его не волнует. Задача прямо противоположная: осмотреть “Ураган” и, убедившись, что машина не разграблена, подготовить к уничтожению!

Подозвав Мерззликина, поставил диагноз:

— Растяжка. Будем взрывать! Тащи ПТМ...

Пока возились с установкой противотанковой мины, возвратилась группа Лукоянова. Разведчики привели с собой старика, вылитого Хоттабыча: седая борода, тюрбан, длинная холщовая рубаха, шаровары. Только туфель с загнутыми носками нет — старик бос.

— Наши героини-разведчики “языка” взяли! — съехидничал Вадим.

— Что с машиной? — не удосужился обидеться капитан.

— Цела. Но заминирована: мина или фугас на растяжке. Мы в довесок ПТМ установили... Рванет, стоит только в кабину сунуться! Так что готовы хоть сейчас взрывать, хоть “душкам” в подарок оставить. Как прикажете, товарищ начальник...

— Добро! — кивнул Люлёк и наконец-то прореагировал на колкость Вадима. — Старик, что с нами — кадр ценный! Аксакал. По его словам, он — единственный взрослый мужчина в кишлаке, остальных моджахеды угнали в горы...

— Так зачем вы его притащили? — спросил Колков, продолжая разглядывать старого афганца, который стоял безучастный, точно идол.

— А затем, что он говорит... Одним словом, слышал пальбу здесь несколько дней назад. И еще — видел, как душманы увели каких-то людей в горы... Уразумел? Старик — свидетель (и, может, единственный) того, что приключилось с “Ураганом”. Правильно я понял, золотце? — повернулся Лукоянов к одному из разведчиков, таджику по имени Телло*.

Солдат заговорил со стариком. Каменная маска на лице аксакала дрогнула, и он ответил голосом скрипучим, как несмазанная арба.

— Там выше по склону стреляли чужие люди, — перевел Телло.

— Что ж, посмотрим...

— А не засада это, Валера?

— Засада — не засада, а лейтенанта с солдатом нам искать! — Люльку и самому не хотелось лезть в горы по одному лишь утверждению незнакомого старика, но задачу надо выполнять: Иванова с водителем, кроме них, разыскивать никто не будет.

— Товарищ капитан, товарищ старший лейтенант! — неожиданно раздался голос Кочнева. — Там, там... — солдат не мог подобрать нужных слов.

— Где там? Да говори же разборчиво, боец, что ты кашу жуешь! — по способности возвращать младшим по званию присутствие духа с Лукояновым вряд ли кто-то мог сравниться.

— Я нашёл... руку нашел... человеческую... — сделав несколько судорожных глотательных движений, выдавил сапёр.

— Человеческую?.. А какие ещё бывают? — усмехнулся Лукоянов и добавил строго: — Ладно, показывай!

Капитан и Колков зашагали вслед за Кочневым вверх по склону. Тот всё ещё путано рассказал, что, проверяя по приказу старшего лейтенанта окрестности, обнаружил обрубок чьей-то руки.

Место, на которое привел сапёр, оказалось небольшой пологой площадкой с вытоптанной травой. Среди мелких камней тускло поблескивали латунные гильзы. Лукоянов поднял одну:

* Телло — золото (тадж.).

— От АКМСа...

Кочнев остановился на краю площадки — здесь.

Офицеры увидели скрюченную кисть, которая, словно живая, притаилась сбоку от рыжего валуна. Палящее солнце сделало уже своё дело: от рубка исходил тяжелый запах, вокруг роились мухи.

Лукоянов склонился над страшной находкой, вынул из ножен финку и с ее помощью перевернул кисть. Между мертвыми пальцами оказалась зажатой какая-то бумага. Люлёк осторожно подцепил и извлек ее. Разгладил, прочитал вслух: “Вещевой аттестат. Выдан лейтенанту Иванову...” — резко бросил Кочневу, у которого, как у девушки, мелко подрагивали короткие бесесые ресницы:

— Старика — ко мне! Живо!

Когда угловатый солдат убежал, попенял Вадиму:

— Рассопливился твой сапёр, тошно смотреть!

— Не обгерея еще: второй раз на выходе, — вступился Колков и перевёл разговор на другое. — Думаешь: врёт дед?

— Не знаю... Сам видишь: бой был здесь. И кисть, похоже, Иванова, того самого. Гранатой оторвало... И чего это он аттестат в руке держал? Вот она, жизнь-житуха! Аттестат сдать вещевикам не успел... А сейчас он ему без надобности.

— Может, рано хоронишь?

— Может, и рано... — согласился Люлёк.

...Старик, которого привели Кочнев и Телло, ничего нового не сообщил. На все вопросы капитана, которые старательно переводил таджик, отвечал одно и то же: бой был здесь, потом моджахеды ушли в горы и увели с собой “шурави”^{*}; больше он ничего не знает.

Поняв, что большего не добиться, Лукоянов поручил Телло охранять старика, а сам разбил отряд на две части: одна, во главе с Колковым, будет обследовать склон горы у подножия; другая, под командой капитана, продолжит поиски ближе к вершине. Встретиться договорились через час возле “Урагана”.

...Экипаж нашёл Вадим. Пробираясь по ложбине, поросшей чахлой травой, он обратил внимание, что земля в одном конце отличается по цвету. Такое бывает на месте установки мины...

Щупом стал сантиметр за сантиметром проверять подозрительное место. Щуп беспрепятственно уходил вглубь.

Вместе с Кочневым осторожно разгребли землю руками. Когда убрали верхний слой, в нос ударил знакомый сладковатый запах. Солдата вырвало. Дальше Колков работал один. Вскоре неглубокая могила была разрыта...

Сверху, оскалившись, лежал труп черноволосого солдата, под ним тело лейтенанта. С помощью подоспевших разведчиков Колков извлёк из ямы останки погибших и уложил их на плащ-палатку. Тело Иванова было изуродовано взрывом гранаты до неузнаваемости: вместо лица — бесформенное месиво, живот вспорот, правая рука без кисти. От обмундирования уцелели только обрывки защитной рубашки с измазанными кровью и землёй лейтенантскими погонами. Ташмирзоев, напротив, без единой царапины. Если бы не пулевая пробоина в затылке, трудно было бы определить, от чего он погиб.

Тела отнесли к “Урагану” и стали ждать возвращения Лукоянова. Люлёк появился точно в условленное время. Потный, раздосадованный бесполезным брожением по горам, капитан, осмотрев убитых, стал еще мрачнее. Зло зыркнул на старика:

— Обмануть хотел, “божий одуванчик”! Ну, пеняй на себя... — и уже Вадиму: — Пора сниматься. Там, за перевалом, тропа. Я посмотрел, пройти можно до самой дороги. Дело мы сделали: ребят нашли... Ты говоришь, “Ураган” начинил надёжно?

— Нормально... Если от ПТМ “духовский сувенир” сдетонирует, от установки ничего не останется... А что будем со стариком делать?

Люлёк помолчал, что-то обдумывая, потом крикнул переводчику:

* Шурави — советский (дари).

— Золотце, деда сюда! — и когда те приблизились, приказал: — Вяжи его!

Солдат замялся, поглядывая на Колкова.

— Что ты задумал, Валера? — спросил старлей.

— Подстраховаться хочу, чтобы нас на обратном пути “бородатые” не продырявили... Как? Об этом пусть у тебя голова не болит... Старик — моя забота. А ты забирай команду и дуй на перевал. Мы с Телло вас догоним.

— А может, зря? Отпусти старика с миром. Ну, какой он “дух”? — попытался урезонить Вадим.

Но Лукоянова уже понесло:

— Послушай, Вадик! — ощерился он. — Кто здесь командует: я или ты? Я... Мне и решать, что зря, а что не зря! А ты — делай, что сказано!

Таким Люлька Колков еще не видел. Он хотел ответить столь же резко, но только покачал головой.

Уже выйдя на тропу, Вадим оглянулся: капитан и таджик ремнями привязывали стоящего на коленях старика к дверце “Урагана”. Лица аксакала не было видно, но Колкову показалось, что он молится...

...Ротный и Телло догнали отряд на седловине перевала, когда Колков приказал сделать пятиминутный привал. Люлёк подошел к Вадиму и протянул руку:

— Прости, погорячился... Что-то нашло! Понимаешь: одно к одному...

— Понимаю, — сказал Колков.

Лукоянов продолжал:

— Деду я шанс дал, если дёргаться не будет...

Договорить он не успел. Внизу, там, где остался “Ураган”, глухо, как новгородня хлопнула, сработала ПТМ. Почти сразу, сливаясь с первым взрывом, раздался второй, более мощный. Лукоянов отвел глаза:

— Не послушался старик... Что ж, оно и к лучшему. Теперь можно смело докладывать, что “Ураган” уничтожен. Коли, Вадик, дырку для ордена — я сам буду твоего комбата просить, чтоб представил.

...Одолели перевал и спустились к дороге без происшествий. “Броня” — два бэтэера лукояновской роты — ждала их в заданном квадрате. Старший бронегруппы — Закатаев обрадовался им, но улыбка сошла, как только увидел, какую ношу они несут.

Пока грузили тела погибших в десантное отделение, Лукоянов связался с комдивом, доложил о результатах рейда. Выбрался из люка довольный, общил:

— Батя всем объявил благодарность. Возвращаемся на базу!

Назад ехали в сумерках. Лукоянов с Закатаевым на первом бэтэере, Колков — на втором. Ехать рядом с Люльком не хотелось...

Из головы у старшего лейтенанта все не шел старик, казенный у “Урагана”. Смерть старого афганца заставила по-иному увидеть, нет, не Лукоянова, а себя самого. Эта смерть еще раз вернула его к давнему расстрелу животных в его первом рейде, такому же бессмысленному и жестокому.

Возможно, Лукоянов и прав, не дав старику уйти к своим и тем самым обезопасив отход отряда. Возможно, все содеянное можно назвать военной необходимостью и забыть... Но почему он не помешал убийству, не остановил Люлька? Неужели оттого, что год назад не решился удержать солдат, стрелявших в беззащитную скотину?..

Колков оглянулся на разведчиков, облепивших броню: кто напряженно вглядывался в темнеющие вокруг горы, кто пытался дремать, прицепившись к поручням брючным ремнем. Столкнулся взглядом с Телло. Таджик, сумрачный и нахохленный, как грач, отвернулся. “Тоже переживает, — понял Вадим. — Интересно, что чувствует сейчас Люлёк?”

А Лукоянов думал об отпуске, о доме. О том, что хорошо бы уже завтра улететь попутным вертолетом в Кабул...

Очевидно, замечтавшись, он произнес слово “улететь” вслух, да так громко, что встрепенулся сидящий рядом замполит. Закатаеву всю дорогу не давал покоя один вопрос: как очутился “Ураган” по ту сторону гор? И слово, сорвавшееся с уст Лукоянова, он отнёс к тому, что волновало его.

— Ты думаешь, по воздуху он туда перелетел? — перекрикивая рев движка, спросил он ротного.

— Кто перелетел? — не сразу “включился” Люлек.

— Ну, “Ураган” этот... Просто мистика какая-то... Мы же вместе весь хребет излазили. Нигде ни прохода, ни перевала. Не могло же его туда ветром занести?

— Ветром-то, конечно, не могло. А вот мне рассказывали, что однажды в Панджшере “духи” танк в горы утащили. Обмотали веревками, как египтяне глыбу, и вместе с экипажем подняли.

— И что потом?

— Финал один, — Лукоянов кивнул в сторону десантного отделения, — только там и этого не осталось... Сбросили танк в пропасть. Груда металлолома — и всё.

Закатаев недоверчиво переспросил:

— А ты, командир, не заливаешь насчет танка? Как такую машину в горы на верёвках?

Лукоянов дернул плечом. Не веришь — твое дело: за что купил, за то и продаю.

Долго ехали молча, а когда скалы, окружавшие дорогу, начали расступаться, открывая плато, похожее на копыто, Люлёк, словно продолжая прерванный разговор, сказал:

— Чужие мы здесь. Чужие, комиссар. И людям, и скалам, и ветру даже... Оттого и понять многого не можем. И друг друга перестаем понимать! Закатаев покосился: что-то непохоже на ротного. Никак голову напекло? А солнце здесь и впрямь — безжалостное. Того и гляди, крыша поедет...

Поздравляем Александра Борисовича с 55-летием!
Ярких строк и радостных встреч, крепкого здоровья и неутомимого
служения делу Русской Культуры.

Коллектив «НС»